

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Фига

В наследство

МОСКВА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Фига

В наследство

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Л47 **Леонов, Николай Иванович.**
Фига в наследство / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-214943-6

В полицейский участок обратился мужчина, утверждающий, что его жену убили. Накануне супруги продали квартиру, а сегодня — ни жены, ни денег, только записка, в которой женщина заявляет, что больше не может жить с пьяницей... Однако свидетели утверждают, что именно в этот день видели, как она, здоровая и красивая, покупала на вокзале билеты и садилась в поезд. То, что супруга жива, подтвердил и нотариус, оформлявший сделку с квартирой. Что же случилось на самом деле? Полковник МВД Лев Гуров понимает, что такой оригинальный криминальный сценарий в его практике встречается впервые, а значит, и действовать оперативнику придется нестандартно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-214943-6

© Макеев А.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Гуров откровенно скучал на совещании у генерала. Такие мероприятия Орлов проводил регулярно, как минимум раз в две недели, хотя обычно даже чаще. На планерке у генерал-лейтенанта должны были присутствовать все старшие офицеры главка и начальники подразделений. Здесь Орлов выслушивал доклады подчиненных, ставил задачи, раздавал пряники и махал кнутом.

Гурову редко что-то из вышеперечисленного доставалось, за исключением докладов, которые он иногда делал после завершения значимых дел, и большую часть времени на совещаниях он просто изнывал от безделья. Однако не посещать эти мероприятия сыщик не мог, поскольку это могло бы расцениваться другими офицерами главка как кумовство, ведь об их дружбе с генералом знали все, но эта дружба не должна была ставить Гурова

выше других офицеров и избавлять от обязанностей, которые вменялись другим.

На совещаниях у генерала сыщик откровенно завидовал Станиславу, которого Орлов редко вызывал на такие мероприятия. Крячко, хотя и был в одном звании с Гуровым, считался его подчиненным, а посему был освобожден от «молебнов на начальственном ковре», как именовал эти планерки сам Станислав. И сегодня Крячко даже утром не явился на службу, лишь сообщил Гурову, что у него пройдет встреча с одним из многочисленных информаторов.

Впрочем, на этот раз планерка у генерала оказалась короче, чем обычно. Орлову позвонили, видимо, из Министерства, и он немедленно разогнал всех офицеров, отправив заниматься своими делами. Та часть полицейских, которая не успела предстать пред грозными очами начальства, тихо радовалась от такого поворота дел, а остальные посматривали на них с плохо прикрытой завистью. И Гуров, наблюдая за этим, слегка улыбался, в очередной раз пытаясь представить себя на месте тех и других. Он пропустил перед собой начальника Управления по работе с личным составом, которому сегодня серьезно досталось от Орлова, и он покидал планерку с мрачным видом, а затем попрощался с секретаршей генерала и, выйдя в коридор, напра-

вился к себе. Однако Гуров не успел пройти и десятка шагов, как его окликнули:

— Товарищ полковник! Лев Иванович, разрешите обратиться, — послышался за спиной сыщика незнакомый голос, и он удивленно обернулся.

Перед Гуровым навтыяжку стоял совсем молоденький лейтенант, видимо, еще вчера сдававший экзамены в стенах какого-нибудь вуза МВД. Парень выглядел смущенным, но решительным, словно долго готовился к какому-то важному и очень непростому шагу, а теперь, сделав его, намеревался идти до конца. От волнения его щеки чуть порозовели, а топорщившийся на макушке вихор даже придавал ему какой-то воинственный вид, как перо у индейца, вставшего на тропу войны. А самым необычным был даже не вид парнишки, а его звание: в главке лейтенанты были довольно редким явлением.

— Лейтенант Воробьев, — представился парнишка, когда увидел, что на него обратили внимание.

— Обращайтесь, лейтенант, — разрешил сыщик.

— Товарищ полковник, — начал Воробьев, но Гуров его тут же оборвал.

— Стоп-стоп-стоп! — поднял он перед собой руку ладонью вперед. — Начал же хо-

рошо: Лев Иванович. Зачем опять к полковнику полез?

— Извините, Лев Иванович. — Парень, казалось, смутился еще больше, но решительности не потерял. — Мне очень нужен ваш совет. Я понимаю, что вы человек занятой, но уделите мне, пожалуйста, десять минут. Возможно, они смогут решить судьбу нескольких людей.

— Ого! Даже так? — удивился Гуров, а потом избавился от ироничного тона и благодушного настроения, осознав, что парень, стоящий перед ним, действительно считает ту проблему, с которой решил обратиться к «важняку», очень серьезной. — Тебя как зовут, лейтенант?

— Антон Романович. То есть просто Антон, — быстро ответил тот.

— Хорошо, Антон. Пойдем ко мне в кабинет и там поговорим. А то обсуждать серьезные вопросы в коридоре как-то неприлично. — Гуров развернулся и, не дожидаясь реакции лейтенанта, поскольку прекрасно понимал, какой она будет, последовал к дверям своего кабинета.

Войдя внутрь, Воробьев не смог удержаться и с любопытством посмотрел по сторонам, изучая логово знаменитых сыщиков. По его лицу скользнуло выражение разочарованного удивления, словно парень не ожидал, что

кабинет Гурова и Крячко окажется настолько обычным — два письменных стола, пара шкафов, сейф, старенький, но удобный диван, на котором сыщикам не раз приходилось коротать ночи, да стулья. Ничего лишнего и, естественно, никаких трофеев на стенах, только обычная школьная доска, которой, впрочем, и пользовались-то крайне редко. Гуров прошел на свое место, уселся и жестом предложил Воробьеву разместиться напротив.

— Прежде чем мы начнем разговор, Антон Романович, давай сначала познакомимся. — Сыщик внимательно посмотрел на лейтенанта. — Меня, я полагаю, ты знаешь. Хочу знать о тебе тоже немного больше, чем имя и фамилия. Выпуск этого года, как я понимаю?

— Так точно, — ответил Воробьев. — С отличием окончил факультет «Обеспечение законности и правопорядка» в Московском университете Министерства внутренних дел Российской Федерации имени Владимира Яковлевича Кикотя. По распределению попал в главк в Управление делопроизводства и режима. Только не думайте, что я сам этого хотел или меня в главк мохнатая лапа протолкнула. Я сам не знаю, почему меня сюда направили.

— А чего же ты хотел после университета? — поинтересовался Гуров.

— Если честно, я даже не знаю, Лев Иванович, — вновь смутился Воробьев после немного агрессивного звучащего заявления о «мохнатой лапе». — Хочу просто достойно служить в полиции и помогать людям.

— Ну тогда давай и займемся этим, — улыбнулся сыщик. — Ты что-то говорил о судьбе нескольких человек? Теперь готов выслушать твою историю в подробностях...

Гурову не в первый раз приходилось выслушивать коллег, которым требовался совет более опытного профессионала. Однако с лейтенантами он общался крайне редко. Во-первых, потому, что таковых в главке можно было по пальцам пересчитать, да и большинство из них были девушками, ну а лейтенанты «с земли» к нему подходить не решались. И это — во-вторых! В полиции хоть и не было такой строгой субординации, как в армии, но просто так подойти к полковнику и попросить совета далеко не каждый лейтенант решится. Гуров ждал от истории Воробьева чего-то необычного и исключительного, но рассказ лейтенанта его разочаровал.

По служебным делам Воробьева занесло за Северо-Восточную хорду, в Бескудниковский отдел полиции. Лейтенант должен был забрать оттуда какие-то очень важные для Управления делопроизводства документы и невольно стал свидетелем обычной для «земли» сцены — до-

вольно потрепанного вида мужчина требовал от полицейских начать расследование убийства своей жены, а те его вежливо посылали подальше. При этом он не мог внятно объяснить ни того, кто и как ее убил, ни даже сообщить, почему он решил, что жена именно убита, а не сбежала от мужа-алкоголика. Воробьев, считавший, что сотрудники полиции должны принимать каждое заявление от гражданских, с удивлением стал наблюдать за происходящим.

— Зимин, ты уже не просто заколебал, ты до печенок всех достал! — пришел на помощь дежурному старшина, проходивший мимо. — Ты бухать завязывай, на хрен, а то тебе то черти зеленые мерещатся, то теперь привиделось, что жену убили. Может, ты сам ее и грохнул?

— Я ее убил?! Да на хрена мне это надо?! — возмутился мужичонка. — Мы, считай, на одну ее пенсию и жили...

— Чалов, нагнись-ка сюда, — не слушая причитаний мужчины, позвал старшину дежурный.

— Ты тут поаккуратней с выражениями, — услышал Воробьев приглушенный голос из «аквариума», когда старшина приблизился к окошку дежурного. — Тут новенький из режимного, из главка. Хрен его знает, что у него на уме.

Старшина покосился на Воробьева, который делал вид, что рассматривает стенд на стене, а затем махнул рукой, обращаясь к Зимину:

— В общем, иди отсюда и prospись. Глядишь, когда проснешься, твоя жена вернется от соседки или еще откуда-нибудь. Кому она, на хрен, нужна, чтобы ее убивать. А вот ты добарагозишься в подъезде, тебя кто-нибудь из соседей точно прибьет...

Однако мужчину это не остановило. Он продолжил еще яростней требовать, чтобы полицейские немедленно начали поиски убийц его жены. Настаивал, чтобы его пустили к старшему оперуполномоченному, и даже требовал немедленно вызвать в дежурку начальника отдела. А когда ему и в этом отказали, Зимин начал угрожать полицейским и крыть их трехэтажным матом. На этом терпение сотрудников Бескудниковского отдела кончилось, и горе-заявителя отправили в «обезьянник», чтобы он там пришел в себя.

— Я подошел и спросил у дежурного, почему он отказался принимать заявление у этого Зимина, — закончил свой рассказ Воробьев. — А тот ответил, что этот мужик тут постоянный клиент и своими фантазиями всех замучил. Кроме того, вчера с женой Зимина и с ним самим общался нотариус. Они эту информацию проверили. Все были живы

и здоровы. Да и никаких доказательств того, что его жена убита, мужчина не предъявил. Говорит, что утром проснулся и понял, что его жену кто-то убил. Вот и все! К тому же от Зимина свежим перегаром разило. В отделе и решили дать ему окончательно протрезветь, а пока участковый проверит, на месте ли супруга. Все это было вчера. А сегодня я проверил — заявление от Зимина в Бескудниковском отделе так и не приняли.

— Отказ принять заявление о преступлении является серьезным нарушением. Да я думаю, ты и сам это знаешь, — проговорил Гуров, когда лейтенант сделал паузу. — Ты от меня хочешь получить совет, доложить об этом начальству или нет? Ну, если честно, советы в таких вопросах — не мой курятник. Поступай так, как считаешь нужным.

— Мне отец вчера вечером так же сказал, — вздохнул Воробьев. — Только, по-моему, это будет как-то неправильно в отношении ребят...

— В нашей службе редко бывает четкий выбор между правильными и неправильными поступками. Чаще есть те, за которые ты готов или не готов нести ответственность, — перебил его сыщик. — Перед тобой простой выбор: если промолчишь об отказе полицейских принять заявление, будешь отвечать за то, что не помог раскрыть преступление, а

сообщишь — будешь виноват перед сотрудниками Бескудниковского отдела. Тем более еще неизвестно, действительно ли преступление было совершено.

— Так в том-то все и дело! — воскликнул лейтенант. — Лев Иванович, Зимин говорил абсолютно искренне. Он действительно был уверен, что его жену убили. А полицейские даже слушать его не пожелали!

— Ну, Антон, тут я тебе одно могу посоветовать: слушай свою интуицию. Это важное качество хорошего полицейского, — усмехнулся Гуров. — Если ты считаешь, что Зимин прав и убийство действительно было, даже если остальные считают по-другому, то возьми за дело и все досконально проверь.

— И как мне это сделать? — Воробьев задумчиво почесал вихрастую макушку. — В отделе со мной информацией никто делиться не станет. Да и как со службой быть? У меня же свои задачи есть, никто меня из главка на посторонние дела не отпустит.

— А вот об этом уже ломай голову сам! Работа сыщика чаще всего и заключается в том, чтобы преодолеть все трудности и добыть нужную информацию, — усмехнулся Гуров, и в этот момент на столе у него зазвонил служебный телефон.

— Все, Антон, больше ничего я тебе посоветовать не могу. Сначала прислушайся к

интуиции, затем сделай выбор и после этого следуй ему до конца. Удачи! — закончил разговор сыщик и ответил на звонок: — Полковник Гуров слушает.

Несмотря на это заявление, сыщик почти не слушал, как Орлов упрекает его в том, что он не отвечает на звонки по сотовому телефону, и напоминает, что мобильники нужно не только выключать на совещании, но и включать после него. Гуров задумчиво смотрел на Воробьева, который замешкался в дверях кабинета, ломая голову, был ли он сам таким наивным, когда пришел на свое первое место службы? А лейтенант вдруг замер в дверях и посмотрел на сыщика, словно собирался что-то сказать. Однако передумал и кивнул головой, словно придя к какому-то решению. А затем вышел наружу, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Зайди ко мне! — наконец, выговорившись, распорядился Орлов.

— Петр, я только что от тебя, — тяжело вздохнул сыщик.

— Что ты опять, как Крячко, пререкаться начинаешь? — возмутился генерал. — Если говорю «зайди», значит, ты мне нужен!..

Как и предположил сыщик после этого разговора, у Орлова для него оказалось новое задание. Банальное до невозможности — у человека прямо из машины, среди бела

дня, украли портфель с личными вещами и документами. А «изюминка» была в том, что этим человеком оказался не какой-нибудь клерк Иванов из обычного офиса, а один из ведущих нотариусов Москвы, и направить именно Гурова на расследование этого преступления попросил не кто-нибудь, а министр внутренних дел. В такой просьбе, естественно, не отказывают, и сыщик отправился к нотариусу, радуясь исключительно тому, что у него сейчас нет серьезных дел и не приходится расстраиваться, что отрываешься от них из-за такой ерунды.

От главка до офиса нотариуса Тищенко, который и стал жертвой ограбления, ехать было совсем недалеко. Вениамин Арнольдovich арендовал помещение на Тверской, недалеко от здания правительства Москвы, и этот факт только подчеркивал его статус. Гурову потребовалось чуть больше пятнадцати минут, чтобы добраться туда, и он, пока ехал, врубил в машине кондиционер на полную мощность, искренне радуясь, что на раскаленной сковородке, в которую превратились московские улицы, пробыл совсем недолго.

Нынешний июль шокировал москвичей экстремально высокими температурами. Даже в тени столбики термометров показывали далеко за тридцать градусов, и, по заверениям синоптиков, это лето было все

существующие температурные рекорды, а жарче в столице было только около полутора сотен лет назад — еще в позапрошлом веке! Правда, хуже всего эти температуры воспринимались в первые дни жары, когда после недельных ливней из-за мощных испарений казалось, что ты находишься не на московской улице, а где-нибудь в Африке, в районе экватора. А сейчас сухая жара ощущалась не так тяжело. Хотя, может быть, к ней москвичи уже просто привыкли.

Тищенко было чуть больше шестидесяти лет, но выглядел он куда моложе. Импозантный, подтянутый, без лишних морщин на лице, нотариус издали мог бы сойти за сорокалетнего, и лишь абсолютно седая голова безошибочно указывала на его возраст. Кабинет у Тищенко был под стать своему хозяину — такой же основательный и функциональный, и в нем чувствовался какой-то едва уловимый почерк советского стиля — отсутствие излишнего количества стекла, металла и пластика. Этаким деревянный фундаментализм. И Гуров не исключил, что в советские времена нотариус был одним из властных функционеров — либо по линии КПСС, либо по профилю комсомола. И встретил Тищенко сыщика так, как встречают желанного гостя — выбрался из-за стола, сделал пару шагов вперед и протянул

ладонь для рукопожатия, которое оказалось достаточно крепким.

— Лев Иванович, сожалею, что вам приходится отвлекаться от важных дел на мои проблемы, но они тоже серьезные, и утерянные документы могут причинить неудобство важным людям, — проговорил нотариус, возвращаясь в свое кресло и жестом приглашая Гурова сесть напротив. — Или мне следует называть вас «товарищ полковник»?

Гуров усмехнулся. Информированность Тищенко его ничуть не удивила. Она лишь подчеркнула первое впечатление сыщика об основательности этого человека. Конечно, секретарша нотариуса сообщила ему, кто именно заходит в офис, но имя точно не называла. И это означало, что нотариус не только наслышан о Гурове, но и сам мог попросить, чтобы на раскрытие кражи поставили именно его.

— Давайте обойдемся без званий. Имя-отчество — вполне приемлемый вариант, — ответил на вопрос Тищенко сыщик. — Расскажите, что именно произошло?

Как рассказал нотариус, в офис он возвращался после встречи с одним из своих клиентов, имя которого он не имел права называть. Там Тищенко получил некие документы, которые должен был проверить и удостоверить. Однако произошла неприятность — бумаги

оказались украдены. И произошло это, по словам нотариуса, за какие-то десять-пятнадцать минут. Неподалеку от офиса он выяснил, что остался без любимых сигарет. Чтобы не гонять в магазин лишний раз секретаршу, отрывая ее от работы, Тищенко решил сам купить все необходимое. Он припарковал машину у магазина, купил сигареты, вернулся назад и отправился дальше. А пропажу портфеля с документами с заднего сиденья обнаружил только на стоянке, когда попытался его забрать.

— Я понимаю, что история глупая и банальная, но, как видите, и на старуху бывает проруха, — закончил свой рассказ Тищенко. — Неосмотрительность и желание не затруднять лишний раз сотрудников меня погубили. Мне бы хотелось, чтобы этот портфель был найден как можно быстрее.

— А вы уверены, что кража произошла именно тогда, когда вы были в магазине? — задал дежурный вопрос сыщик.

— Абсолютно! — чуть поморщившись, ответил ему Тищенко. — Портфель я сам положил на заднее сиденье и, кроме как в магазин, из машины больше не отлучался. Другого времени совершить это преступление у злоумышленника не было.

— Как я понимаю, сигнализацию на автомобиле вы не включили, когда отправились